

БАРАБАН
череп мамонта,
Межиричи

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
с разными по высоте звуками,
лопатка мамонта,
Мезин

ФИГУРА ЛОШАДИ
бивень мамонта, Лурд

0 Мили 400
0 Км 400

ДВЕ ФИГУРКИ
ЖЕНЩИНЫ-ПТИЦЫ
кость мамонта, Мезин

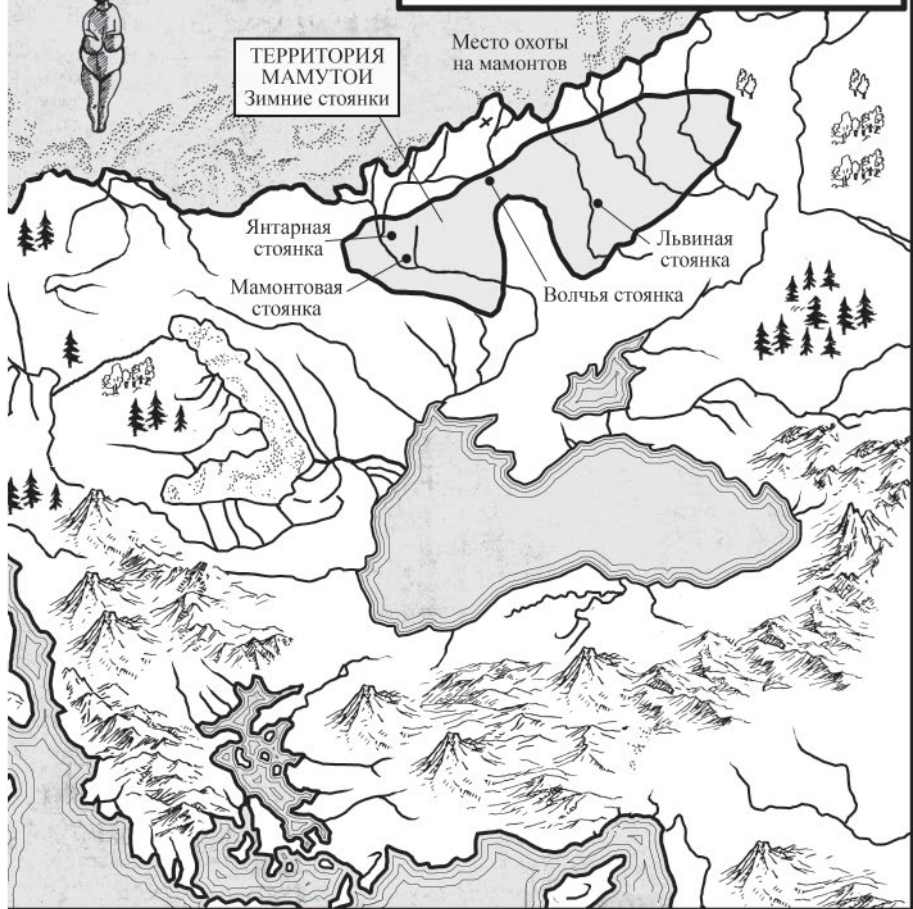
ЖЕНСКАЯ ФИГУРКА
кость мамонта, Костенки

Дети Земли

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПА
ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Границы вечных льдов и очертания
береговых линий на протяжении 10 000 лет
интерстадиального потепления
во время вюрмского оледенения эпохи
позднего плейстоцена
(35 000 – 25 000 лет до н. э.)

ГЛАВА 1

Незнакомцы подходили все ближе, и Эйла, задрожав от страха, прижалась к высокому мужчине, стоявшему рядом. Джондалар покровительственно обнял ее, но страх молодой женщины ничуть не уменьшился.

«Какой же он здоровенный!» — подумала Эйла, изумленно глядя на возглавлявшего небольшой отряд мужчину с огненной шевелюрой и бородой. Эйла впервые видела такого высокого человека. По сравнению с ним даже обнимавший ее за плечи Джондалар казался маленьким, хотя он превосходил ростом многих людей. Рыжеволосый был не только самым высоким, он был огромным, как медведь. Его голова покоилась на могучей шее, объема грудной клетки с лихвой хватило бы на двух нормальных мужчин, а крепкие бицепсы могли сравниться по величине с мужским бедром.

Мельком взглянув на Джондалара, Эйла не заметила на его лице даже тени страха, разве что улыбка была несколько напряженной. Эти люди принадлежали к неизвестному племени, а за годы странствий он приучился настороженно относиться к незнакомцам.

— Не припомню, чтобы видел вас прежде, — без всяких предисловий заявил рыжебородый здоровяк. — С какой вы стоянки?

«Он говорит на языке мамутои», — сообразила Эйла, поскольку Джондалар научил ее не только своему родному языку.

— Наш дом далеко отсюда, — сказал Джондалар. — Мы не мамутои. — Он оставил Эйлу и, сделав шаг навстречу незнакомцу, протянул вперед обе руки ладонями вверх — этот традиционный жест дружелюбного приветствия одновременно показывал, что он не прячет никакого оружия. — Я — Джондалар из племени зеландонии.

Рыжебородый не спешил ответить на приветствие.

— Из племени зеландоний? Я не знаю... Постой-ка, однажды мне рассказывали о двух путешественниках, которые жили в западных краях, у речных людей. Похоже, я все-таки слышал о твоём племени.

— Да, мы с братом останавливались у них, — признал Джондалар.

Постояв немного в задумчивости, огненнбородый вдруг стремительно шагнул вперед и обхватил высокого светловолосого мужчину кольцом своих могучих рук; Джондалару показалось, что от этих медвежьих объятий у него сейчас хрустнут кости.

— Так, выходит, мы с тобой родственники! — продолжал мужчина густым басом, и лицо его осветилось широкой улыбкой. — Ведь Толи — дочь моей двоюродной сестры!

Слегка потрясенный Джондалар улыбнулся в ответ:

— Толи?! Женщина из племени мамутои по имени Толи была родственницей моего брата! Она научила меня вашему языку.

— Вот именно! Я же сказал, что мы родственники, — повторил здоровяк и, вспомнив, что поначалу отверг дружеское приветствие Джондалара, крепко сжал его руки, завершая ритуал знакомства. — Я — Талут, вождь Львиной стоянки.

«Все они умеют улыбаться», — заметила Эйла, ненавязчиво поглядывая на незнакомцев. Талут приветливо улыбнулся ей и, окинув молодую женщину оценивающим взглядом, явно одобряющим выбор Джондалара, сказал:

— А где же твой брат? Я вижу, что для этого путешествия ты выбрал себе новую спутницу.

Хотя Джондалар вновь обнял Эйлу за плечи, от ее внимательного взгляда не ускользнуло выражение боли, тенью промелькнувшее по его лицу.

— Ее зовут Эйла, — отогнав печальные мысли, ответил Джондалар.

— Какое странное имя. Она что, из речных людей?

Грубоватая прямота его вопроса в первый момент смутила Джондалара, но вдруг в его памяти всплыл образ Толи, и он улыбнулся при этом воспоминании. Та маленькая, коренастая женщина внешне мало походила на здоровенного бородача, стоявшего сейчас перед ним на берегу реки, и тем не менее они были похо-

жи, как два отщепенца, сколотые с одного кремня. Оба отличались открытым, общительным нравом, обоим было трудно смутить, и их прямота порой граничила с наивностью. Джондалар помедлил, не зная, как лучше ответить, а Эйла не собиралась облегчать ему эту задачу.

— Нет, она жила в долине, в нескольких днях пути отсюда, — наконец сказал он.

Талут с недоумением поднял брови:

— Я не слышал, чтобы в наших краях упоминали ее имя. Вы уверены, что она из племени мамутой?

— Нет, скорее, наоборот.

— Тогда из какого же она племени? В этих местах живем только мы, охотники на мамонтов.

— Мне неизвестно, из какого я племени, — вскинув голову, сказала Эйла с оттенком вызова.

Талут посмотрел на нее пронизательным, испытующим взглядом. Женщина произнесла эти слова на его языке, но ее голос и издаваемые ею гортанные звуки были очень странными. Не неприятными, а скорее непривычными. Джондалар тоже говорил с акцентом, обусловленным особенностями его родного языка; но ее необычный говор включал в себя нечто большее, чем акцент. Интерес Талута к этой женщине заметно усилился.

— Что ж, все понятно, однако это не лучшее место для беседы, — подвел итог Талут. — Неззи обрушит на мою голову гнев Великой Матери, если я не приглашу вас к нашему очагу. Гости вносят приятное разнообразие в нашу жизнь, а к нам давненько никто не заглядывал. Львиная стоянка будет рада принять вас, Джондалар из зеландонии и Эйла из Неведомого племени. Так как же, вы принимаете мое приглашение?

— Что скажешь, Эйла? Ты не против погостить у них? — спросил Джондалар, перейдя на язык зеландонии, чтобы она могла ответить искренне, не боясь обидеть Талута отказом. — Не пора ли тебе поближе познакомиться с людьми? Вспомни, разве не об этом говорила тебе Иза? Ведь тебе нужно отыскать людей своего племени. — Ему не хотелось показаться слишком нетерпеливым, но он очень обрадовался приглашению Талута, поскольку за все лето не беседовал ни с кем, кроме Эйлы.

— Я не знаю, — нерешительно сказала она, хмуря брови. — Как они отнесутся ко мне? Он хотел узнать, из какого я племени. Но что я могу ответить? Ведь я и правда не знаю, кто я и откуда. Вдруг я им не понравлюсь?

— Ты понравишься им, Эйла, поверь мне. Я убежден, что все будет в порядке. Талут же пригласил тебя, разве ты не поняла? То есть ему не важно, что ты не помнишь своего племени. И, кроме того, нельзя упускать такой шанс. Как иначе ты сможешь узнать, примут ли они тебя?.. Понравишься ты им или нет? В сущности, ты ничем не отличаешься от этих людей и вполне могла бы родиться и вырасти в этом племени. К тому же не обязательно задерживаться у них надолго. Мы сможем уйти в любое время.

— Мы сможем уйти в любое время? — задумчиво переспросила она.

— Конечно.

Опустив глаза в землю, Эйла старалась привести в порядок свои мысли и чувства. Ей хотелось принять приглашение; она испытывала симпатию к этим людям и с радостью познакомилась бы с ними поближе. Но в то же время она чувствовала страх, и этот страх, свернувшийся в тугой узел где-то внизу живота, терзал и мучил ее. Подняв голову, молодая женщина взглянула в сторону двух лохматых степных лошадей, пощипывающих сочную траву на речном лугу, и ее страх стал еще сильнее.

— А как же быть с Уинни?! Что будет с ней? Они могут обидеть или даже убить ее! Я не могу позволить этого.

Джондалар совершенно забыл о лошадях. «Что эти люди могут сделать с нашими животными?» — подумал он.

— Я не знаю, Эйла, как мамутой отнесутся к Уинни. Но думаю, что они не убьют ее, если мы объясним, что это особое животное, не предназначенное для еды. — Джондалар вспомнил, какое удивление и чувство благоговейного страха он испытал, впервые увидев власть Эйлы над этой лошадью. Интересно будет посмотреть на реакцию мамутой. — У меня появилась идея...

Талут не понимал, о чем разговаривают его новые знакомые, но видел, что женщина чего-то боится, а мужчина пытается уговорить ее. Он также заметил, что и на другом языке Эйла говорит с тем же необычным акцентом. «Этот язык для нее тоже чужой, — решил вождь, — наверняка они беседуют на родном языке Джондалара».

Он с явным удовольствием размышлял об этой загадочной женщине — его интересовало все новое и необычное; таинственное и необъяснимое всегда привлекало его. Но пока Талут не догадывался, сколь сложную загадку представляет собой его новая знакомая... Эйла вдруг громко и пронзительно свистнула. И, точно повинувшись этому свисту, к ней прискакали золотистая кобыла и жеребенок на редкость темной, почти гнедой масти. Животные спокойно стояли среди людей и позволяли Эйле гладить их! Рыжеволосый вождь подавил благоговейный трепет. Такого чуда он еще в жизни не видывал.

«Может, она наделена особыми сверхъестественными силами, как наш Мамут?» — с нарастающим волнением и страхом подумал рыжебородый. Обычно только избранным, только служителям Великой Матери были открыты магические знания, с помощью которых они узнавали, где скрываются животные, и направляли охотников. Но он никогда не видел, чтобы кто-то из них имел такую власть над животными. Лошади послушно явились на ее зов. Значит, она обладает поистине уникальным даром. Конечно, в этом есть нечто пугающее... Однако, подумать только, какую выгоду может принести племени такой дар. Ведь гораздо проще убить послушное животное!

Едва успев оправиться от первого потрясения, Талут вновь был повергнут в трепет. Ухватившись за жесткую золотистую гриву, молодая женщина взлетела на лошадиную спину. Открыв рот от изумления, рыжебородый великан с ужасом смотрел, как Эйла, сидя на лошади, стремительно скачет вдоль берега реки. Соплеменники в полной мере разделяли изумление и страх Талута, но особенно явно это сквозило в округлившись глазах двенадцатилетней девочки. Она робко подошла к вождю и прижалась к нему, ища поддержки.

— Талут, почему лошади слушаются ее? — спросила девочка тихим голосом, в котором помимо удивления и страха слышались нотки восхищения. — Этот маленький жеребенок, он был так близко... Мне тоже захотелось погладить его.

Выражение лица Талута несколько смягчилось.

— Не спеши, Лэти. У тебя будет возможность спросить об этом у Эйлы. Или, может быть, мы узнаем об этом прямо сейчас, — сказал он, вопросительно взглянув на Джондалара.

— Я не уверен, что смогу хорошо объяснить вам это чудо, — ответил он. — Эйла умеет общаться с животными. Она взяла Уинни в свою пещеру, когда та была маленьким жеребенком, и сама вырастила и выкормила ее.

— Уинни?

— Да, примерно так звучит имя, которое она дала кобыле. Оно напоминает конское ржание, и сама Эйла произносит его так, что можно подумать, будто это действительно лошадиное ржание. А жеребенка зовут Удалец. Я сам придумал ему имя по ее просьбе. Так мы, зеландонии, называем тех, кто быстро бегают и одерживают победу в состязаниях. Впервые я увидел Эйлу в тот момент, когда она помогала появиться на свет этому жеребенку.

— Должно быть, зрелище было потрясающим. Вот уж не предполагал, что кобыла может подпустить к себе кого-то в такой момент, — заметил один из стоявших рядом с Талутом мужчин.

Демонстрация верховой езды возымела желаемый эффект, и Джондалар решил, что настал подходящий момент, для того чтобы высказать опасения Эйлы.

— Мне кажется, Талут, что Эйла с радостью приняла бы твоё приглашение, если бы не опасалась за своих питомцев. Ведь вы привыкли охотиться на лошадей, и поскольку Уинни и Удалец не боятся людей, то их можно легко убить.

— Да, правда. Ты словно проник в мои мысли, но это же вполне естественно!

Талут наблюдал за Эйлой, появившейся из-за холма: казалось, навстречу ему скачет некое диковинное создание — получеловек-полулошадь. И он порадовался тому, что не встречал ее на лошади прежде, до их непосредственного знакомства. Такое чудовище могло лишить мужества кого угодно. Талут вдруг подумал о том, какие ощущения может испытывать человек, сидящий на спине лошади. Очень возможно, что подобная поездка окажется не такой уж страшной. И затем он вдруг разразился громким смехом, мысленно представив себе, как сам усаживается на одну из довольно низкорослых, хотя и крепких степных лошадок.

— Пожалуй, мне легче будет скакать с лошадьёю на плечах, чем ей со мной! — воскликнул он.

Джондалар усмехнулся. Ход мыслей Талута был вполне понятен. На лицах мамутой заиграли улыбки, и Джондалар понял,

что все они представили, как скачут на лошади. Ничего удивительного, ведь то же самое представилось и ему, когда он впервые увидел Эйлу, сидевшую на спине Уинни.

Эйла видела глубоко потрясенные лица мамутой, и если бы Джондалар не ждал ее возвращения, то она не колеблясь отправилась бы напрямик домой, в свою долину. Она вспомнила детские годы: сколько упреков и порицаний вызывали у окружающих ее поступки и действия. Но, прожив три года в одиночестве, она наконец почувствовала вкус свободы и не хотела, чтобы кто-то опять ругал ее только за то, что она следует наклонностям собственной натуры. Сейчас Эйла уже готова была сказать Джондалару, что если у него есть такое желание, то он может один погостить у этих людей; она же собирается ехать домой.

Однако, приблизившись к стоявшим на берегу людям, она увидела, что Талут все еще хохочет, воображая, как бедная лошадь сгибается под его тяжестью. И именно его смех побудил ее изменить принятое решение. Смех стал для нее драгоценным духовным приобретением. Когда она жила у людей клана, ей не разрешали даже улыбаться, а ее смешки вызывали у них страшное беспокойство и тревогу. Только оставаясь наедине с Дарком, она позволяла себе немного посмеяться. Потом Вэбхья и Уинни вновь научили ее радоваться жизни, с ними она жила свободно, не скрывая своих чувств. А Джондалар стал первым человеком, который открыто смеялся одновременно с ней.

Эйла невольно улыбнулась, видя, как заразительно смеется вместе с Талутом этот высокий красивый мужчина. Джондалар поднял голову и встретился с ней взглядом, его невероятно выразительные синие глаза, казалось, излучали магические лучи радости: проникнув в самую глубину ее существа, они разожгли там огонь, воспламенивший каждую клеточку ее тела; живительная, мощная волна любви захлестнула Эйлу, и она поняла, как сильно любит этого человека. Нет, она не сможет одна вернуться в свою долину. Даже сама мысль о том, что они могут расстаться, была настолько нестерпимой, что Эйла почувствовала, как к горлу подступил комок, и ей едва удалось сдержать жгучие слезы.

Возвращаясь со своей короткой верховой прогулки, она подумала, что Джондалар был почти одного роста с рыжебородым,

хотя, конечно, не мог похвастать таким могучим телосложением, зато остальные трое мужчин из племени мамутои уступали ее другу. «Нет, один из них совсем мальчик, — поправила себя Эйла. — А за спиной Талута, похоже, прячется еще и девочка». Она поймала себя на том, что исподволь внимательно рассматривает и оценивает этих людей.

Привычным жестом молодая женщина приказала Уинни остановиться и, перекинув ногу через круп лошади, легко соскользнула на землю. Талут направился в ее сторону, чем вызвал некоторое беспокойство животных, и Эйла, стоя между ними, успокаивающе погладила Уинни и обняла за шею пофыркивающего Удальца. Знакомое прикосновение успокоило лошадей, а их близость, в свою очередь, помогала Эйле обрести уверенность, и трудно сказать, кто из них троих сейчас больше нуждался в дружеской поддержке.

— Эйла из Неведомого племени, — начал Талут, не слишком уверенный в правильности своего обращения, хотя, впрочем, оно вполне могло подойти для женщины, наделенной таким необыкновенным даром, — Джондалар объяснил мне, что ты боишься, не обидят ли мои люди этих лошадей, пока вы будете нашими гостями. Я, Талут, говорю тебе, что никто не причинит вреда ни кобыле, ни ее приплоду. И будет так всегда, пока я, Талут, буду вождем Львиной стоянки. Я приглашаю тебя вместе с лошадьми погостить у нас. — Широкая улыбка осветила его лицо, и он, усмехнувшись, добавил: — Иначе никто не поверит нашему рассказу.

Слова вождя немного успокоили Эйлу, кроме того, она чувствовала, что Джондалару хочется принять приглашение. Никакой существенной причины для отказа у нее не было, к тому же ее сговорчивости в немалой степени способствовал дружелюбный смех этого огромного рыжеволосого бородача.

— Да, я согласна, — сказала Эйла.

Талут улыбнулся и удовлетворенно кивнул ей, в который раз удивляясь странности этой женщины, ее загадочному акценту, ее сверхъестественной власти над лошадьми. Кто же она, Эйла из Неведомого племени?

Переносная палатка Эйлы и Джондалара стояла на берегу стремительно бегущей реки, и сегодня утром, до встречи с обитателями Львиной стоянки, они хотели сложить ее и отправиться в обратный путь. Сейчас речной поток был слишком полноводным, чтобы они могли без трудностей переправиться через него. А поскольку вскоре им все равно предстояло повернуть назад и повторить весь пройденный путь, то такая переправа вообще имела мало смысла. Простирающаяся на восток степная долина, в которой Эйла в одиночестве прожила целых три года, была вполне пригодна для жилья, и поскольку молодая женщина не слишком охотно покидала свою пещеру ради трудных и опасных походов в западные степи, то эти края оставались для нее практически неизведанными. И, отправляясь в нынешний поход, путешественники не имели определенной цели, сначала они направились на запад, потом на север и в итоге повернули к востоку, однако это было долгое странствие, не идущее ни в какое сравнение с кратковременными охотничьими вылазками Эйлы.

Джондалар убедил ее в необходимости такого пробного похода для приобретения опыта кочевой жизни. Ему хотелось вернуться домой вместе с Эйлой, но его племя жило очень далеко на западе. Однако перспектива жизни с незнакомыми людьми в незнакомом месте совсем не привлекала молодую женщину, она боялась покинуть свой маленький надежный мир. Джондалар путешествовал уже много лет, и, хотя ему не терпелось попасть в родные края, он смирился и решил провести зиму вместе с ней в этой восточной долине. Предстоящее путешествие будет очень долгим — вероятно, оно займет целый год, — и в любом случае лучше всего отправиться в дорогу поздней весной. К тому же он был уверен, что сможет уговорить свою подругу пойти вместе с ним, и даже думать не хотел ни о каких других вариантах.

Эйла нашла его, сильно покалеченного, почти полумертвого, в начале теплого сезона, последние дни которого уже заканчивались, и она знала, какое горе пришлось пережить Джондалару. Раны его заживали медленно, и, пока она ухаживала за ним, молодые люди успели полюбить друг друга, хотя их любовь преодолела множество препятствий, источником которых были существенные различия их прежних жизней и мировоззрений. И по

сей день они еще продолжали взаимное познание, открывая друг в друге новые черты характера, особенности и привычки.

Эйла и Джондалар закончили разбирать палатку и, к немало-му удивлению и интересу наблюдавших за ними людей, погрузили все свои припасы, пожитки и походное снаряжение на лошадь, хотя мамутои, конечно, ожидали, что их новые знакомые потащат тяжелые заплечные мешки и корзины на своем горбу. Уинни была выносливой и крепкой кобылой, так что порой Эйла и Джондалар ездили на ней вдвоем, но сейчас Эйла решила пойти пешком, чтобы животные видели ее и не боялись присутствия чужих людей. Мамутои двигались впереди, Джондалар вел жеребенка, держа в руке веревку, привязанную к своеобразному подобию уздечки, которую он сам недавно придумал для Удальца, а Уинни послушно следовала за своей хозяйкой.

Вначале тропа шла вдоль реки по широкой долине, отлого поднимающейся к окрестным лугам. Богатые запасы будущего сена — высокие зрелые травы — клонили свои тяжелые семенные головки; сухой порывистый ветер, приносивший с обширных северных ледников массы морозного воздуха, вздымал золотистые волны этого степного моря. Деревья с трудом выживали в открытых степях, редкие рощицы искривленных шишковатых берез и сосен жались к речному руслу, где их корни находили живительную влагу, — только здесь они могли противостоять иссушающим ветрам. Речные берега прятались в зарослях все еще зеленых камышей и осоки, хотя сильные порывы ветра уже успели обломать их остроконечные листья.

Лэти всю дорогу шла, чуть отстав от группы своих соплеменников, и то и дело оглядывалась на лошадей и загадочную женщину. Но когда путники достигли речной излучины, то девочка, увидев сородичей, побежала вперед: ей хотелось первой сообщить о прибытии гостей. Услышав ее крики, мамутои оторвались от своих дел и изумленно воззрились на приближающихся незнакомцев.

Вскоре к наблюдавшим присоединились и остальные обитатели стоянки. Эйла заметила, что они появляются из большой дыры, черневшей на склоне речного берега. «Вероятно, там находится пещера», — подумала она, хотя таких странных пещер ей еще не доводилось видеть. Входное отверстие было обращено

в сторону реки, но возвышение над ним совсем не походило на прихотливо выветренные формы скалистых или земляных берегов. Холмистая поверхность этой необычной пещеры поросла травой, но очертания входа были слишком правильными; вряд ли этот строго симметричный свод мог быть творением самой природы.

Вдруг Эйлу точно осенило — понимание пришло на каком-то глубинном интуитивном уровне: это была не пещера, ведь эти люди не принадлежали к клану! Они не ходили на Изу, которую она считала своей единственной матерью, поскольку ничего не помнила о том, как жила до пятилетнего возраста. Они не похожи и на Креба и Брана — низкорослых, крепких мужчин с большими, глубоко посаженными глазами, затененными тяжелыми надбровными дугами; у всех членов клана были покатые, скошенные назад лбы, срезанные подбородки и сильно выступающие вперед челюсти. А эти люди выглядели как она. Должно быть, они похожи на тех людей, у которых она родилась. И ее настоящая мать, вероятно, похожа на одну из этих женщин. Значит, судьба наконец привела ее к Другим! И они живут здесь, в этом удивительном жилище! Осознав важность происходящего, Эйла сквозь сильнейшее волнение почувствовала укол страха.

Оглушительная тишина встретила двух странных чужеземцев и их не менее странных лошадей, когда они приблизились к постоянному зимнему жилищу племени мамутой — Львиной стоянке. Но через мгновение начался настоящий галдеж, казалось, все мамутой вдруг заговорили разом:

— Талут! Кого ты привел на этот раз? Где ты раздобыл таких лошадей? Что ты собираешься делать с ними?.. Откуда они, Талут?..

Кто-то спросил у Эйлы:

— Почему они не убегают?..

Говорливые, общительные мамутой тесной толпой обступили вновь прибывших; всем хотелось получше разглядеть их, а стоявшим в первом ряду удалось даже потрогать странных чужаков и их лошадей. Эйла была потрясена и смущена. Она не привыкла к такому множеству людей, говорящих одновременно. Она вообще еще не привыкла к говорящим людям. Уинни, двигаясь боком, пыталась отогнать самых любопытных и защитить своего

испуганного жеребенка. Она выгибала шею, вскидывала голову и нервно поводила ушами.

Джондалар видел смущение Эйлы и взбудораженное состояние лошадей, но не знал, как объяснить Талуту и его людям, что гостям пока лучше побыть одним. Покрывшись испариной, золотистая кобыла приплясывала в тесном кругу, взмахивая длинным хвостом. Наконец она не выдержала и взвилась на дыбы. Молотя копытами воздух, Уинни громко и испуганно заржала, заставляя людей отступить на почтительное расстояние.

Отчаянная тревога Уинни привлекла внимание Эйлы и помогла ей прийти в себя. Она произнесла имя лошади, напоминавшее по звучанию успокаивающее ржание, и добавила к этому соответствующий жест, который использовала еще до того, как Джондалар научил ее говорить.

— Талут, — решил наконец Джондалар, — никто не должен трогать этих лошадей без разрешения Эйлы! Только она имеет власть над ними. У них добрый нрав, но кобыла может стать опасной, если ее вынудят к этому или если она почувствует, что ее детенышу что-то угрожает. Кто-нибудь может пострадать.

— Отойдите-ка подальше! Вы слышали его? — повелительно крикнул Талут, его рокочущий бас мгновенно утихомирил всех. Как только и люди, и животные успокоились, Талут продолжал уже более мирным тоном: — Эту женщину зовут Эйла. Я обещал ей, что никто не причинит вреда этим лошадям, пока она будет гостить у нас. Я обещал это как вождь Львиной стоянки. А этот мужчина — Джондалар из племени зеландонии — наш родственник, его брат стал мужем женщины из племени шарамудои, в котором живет теперь наша Толи. — Затем, самодовольно усмехнувшись, добавил: — Талут привел гостей!

Мамутой понимающе закивали, выражая одобрение. Они по-прежнему толпились вокруг, разглядывая гостей с нескрываемым любопытством, хотя и отступили чуть подальше, не желая попасть под удары лошадиных копыт. Даже если эти чужаки уйдут тотчас, они уже вызвали достаточно интереса, чтобы вспоминать о такой встрече долгие годы. На последнем Летнем сходе рассказывали о двух появившихся в этих местах чужаках, которые жили на юго-востоке, у речных людей. Мамутой и шарамудои издавна торговали друг с другом, но обитатели Львиной сто-

янки стали проявлять к этому племени гораздо больше интереса с тех пор, как Толи, их родственница, нашла себе мужа среди речных людей. Однако они даже не надеялись, что один из этих странников не только окажется среди них, но еще приведет с собой женщину, имеющую магическую власть над лошадьми.

— Все в порядке? — спросил Джондалар, обращаясь к Эйле.

— Они напугали Уинни, да и Удальца тоже. Неужели люди всегда говорят все разом, как сейчас? И почему они все так кричат? Как ты умудряешься определить, кто о чем спрашивает? Полная неразбериха! Может, нам лучше распрощаться с ними и отправиться в нашу долину? — Обняв лошадиную шею, Эйла прижалась к Уинни, успокаивая ее и в то же самое время восстанавливая собственное спокойствие.

Джондалар понимал, что Эйла была встревожена не меньше животных. Шумная людская толпа поразила ее до глубины души. Возможно, им не следует задерживаться здесь надолго. Для начала лучше бы ограничиться общением с двумя-тремя людьми, ведь Эйле надо заново привыкать к людям такого вида, поскольку она всю жизнь прожила среди плоскоголовых. Ему вдруг подумалось о том, что он будет делать, если она не сможет привыкнуть к ним. «Хорошо еще, что она приняла приглашение Талута. Нечего попусту беспокоиться, — решил Джондалар, — пожием — увидим».

— Да, люди иногда кричат и говорят все разом, но обычно говорит кто-то один. И я считаю, Эйла, что они теперь поняли, как надо вести себя с лошадьми, — сказал Джондалар, когда она начала распаковывать висевшие на боках лошади корзины, стянутые вместе широкими кожаными ремнями.

Пока она выгружала их пожитки, Джондалар отвел Талута в сторонку и тихо сказал ему, что лошади да и сама Эйла еще немного нервничают и им нужно время, чтобы привыкнуть к новой обстановке и новым людям.

— Возможно, будет лучше, если ваши сородичи пока оставят их в покое.

Талут все понял и, подойдя к обитателям стоянки, переговорил с каждым, объясняя некоторую сложность положения. Люди понемногу разобрались, вернувшись к своим обычным делам — приготовлению еды, выделке шкур и обработке кремня, — хотя

при этом все продолжали тайком наблюдать за неожиданными гостями, которые, кстати, тоже нарушили их душевный покой. Новые люди всегда возбуждали интерес, однако от женщины, обладающей столь уникальным даром, можно было ожидать чего угодно.

Только горстка детей по-прежнему с откровенным любопытством следила за тем, как мужчина и женщина разгружают корзины, но их присутствие не смущало Эйлу. Она давно не видела детей, с тех пор как покинула клан, и поэтому поглядывала на них с неменьшей заинтересованностью. Она сняла с кобылы нехитрую упряжь, погладила и приласкала Уинни и подошла к Удальцу, чтобы почесать его лохматую гриву. Ласково обняв жеребенка, она взглянула на Лэти, которая следила за ней восторженными глазами.

— Ты хочешь погладить жеребенка? — спросила Эйла.

— А можно?

— Подойди ко мне. Дай руку. Я должна познакомить тебя с ним.

Она взяла руку Лэти и приложила ее к мохнатой шкуре жеребенка. Удалец повернул голову и, пофыркивая, обнюхал девочку.

Лэти одарила Эйлу счастливой, благодарной улыбкой:

— Я ему понравилась!

— Он любит, когда ему чешут вот здесь. Смотри, — сказала Эйла, показывая девочке особо чувствительные места, которые сама обычно почесывала, лаская животное.

Удалец был в восторге от такого внимания и не скрывал этого, и Лэти тоже была вне себя от радости. Жеребенок понравился ей с первого взгляда. Эйла отвернулась от этой счастливой парочки, чтобы помочь Джондалару, и не заметила приближения еще одного малыша. Когда она вновь поглядела в их сторону, то едва не задохнулась от неожиданности, кровь мгновенно отхлынула от ее лица.

— А можно Ридаг тоже погладит лошадку? — спросила Лэти. — Он не умеет говорить, но я знаю, что он очень хочет.

Ридаг всегда вызывал у людей изумление. Лэти привыкла к этому.

— Джондалар! — срывающимся шепотом воскликнула Эйла. — Этот ребенок... Он мог бы быть моим сыном! Он так похож на Дарка!